

Фрида Зиманене интервью Вильнюс, Литва

Интервьюер Жанна Литинская

Назовите Ваше имя и фамилию. Фрида...

Девичья фамилия Шеваловичуте...

Нет, по мужу.

По мужу Зиманене.

Это еврейская фамилия?

Да, еврей муж Зиман.

А девичья?

А девичья Шевалович.

А по-литовски.

По-литовски Шеваловичуте и Зиманене. Когда замужняя женщина, так она прибавляется «ене».

Скажите, где и когда вы родились - точную дату и место рождения.

Я родилась в Каунасе ...по паспорту я записана в 1924 году 23 февраля. Это день рождения мне очень хорошо служило потом, когда в советское время все время праздновали день Советской Армии, праздновали мой день рождения. У нас в семье было четверо девочек - я родилась, затем сестра Пая, она теперь живет в Израиле, в Беер-Шеве, хотели родители, видно, сына, и родились двойняшки - Хаеле и Юдит, Иегуди.

Иегудис – это мальчик?

Нет, девочка.

Иегудис- это девичье имя?

Да.

В каком году они родились, на сколько лет они моложе вас?

Им сейчас было бы 70 с чем-то лет, 1932 год. Они с матерью погибли в гетто. Когда ликвидировали гетто, они вышли, у матери болели ноги, тогда подошел полицейский, ее застрелили, а они исчезли. А где исчезли, я не знаю до сегодняшнего дня, у меня такой больной вопрос, что даже не знаю. Где они - погибли, умерли, может, их убили - красивые девочки. Ну в общем, отец был портной.

Давайте я буду задавать вопросы. Я обычно прошу до вашей семьи рассказать какую-то предисторию. Что вы знаете о ваших дедушках, бабушках - с обеих сторон. Если не знаете о ком-то, так и говорите. Называйте имена, когда они примерно родились, чем занимались, вот в таком роде. Ну по маминой линии вы никого не знаете?

Не знаю, не помню, не помню, как их звали.. А бабушка жила до войны у нас в квартире.

Это папина мать.

Да, баба Хая. Вот она жила как бабушка, ничего не делала, читала, я помню. И так, я помню, что ее оставили вместе с ними. Мы жили на квартире в Каунасе, на улице Лукшо.

А как она сейчас называется?

Так же.

А при советской власти как она называлась?

Так и называлась.

Значит, бабушка Хая – это была папина мама?

Да.

О маминой маме вы не знаете, а мамину девичью фамилию вы помните?

Я могу посмотреть.

Мы посмотрели метрику, значит, мама была Бейла Михель.

Мой отец Залман Шевелович.

Хорошо, мы посмотрели. Тут года рождения их не проставлены.

Ну он приблизительно 1896 года, наверное, 1898.

А у мамы были братья и сестры, вы их знали?

Была сестра Роза Кац, она была уже замужем, фамилия Кацене, по мужу.

Они жили недалеко от нас, она была домохозяйка, очень хорошая красивая женщина. Имела двух сыновей.

Как их звали. Если помните.

Не помню. Двух сыновей, и из этой семьи тоже никто не остался.

Тож же в гетто погибли?

Это было когда вышли, рассказывали, когда вышли из гетто, матери стало плохо с ногами, и сестра эта младшая сестра, она подошла хотела помочь. И подошел этот полицейский и застрелили обоих.

А мужа ее вы не помните?

Не помню, не знаю.

Чем он занимался?

Даже не знаю

Но он жив был до войны?

Да, имя его не помню.

Это мамина родная сестра.

Да.

А больше у нее не было братьев и сестра?

Нет.

Эта сестра была моложе мамы или старше?

Моложе. Больше не было. И мы так и росли дома.

Теперь давайте о папиной стороне. Бабушку Хаю вы знаете, дедушку как звали, вы не помните?

Не помню.

А папино отчество вы не помните?

Нет.

Тогда не называли по отчеству?

Залман Хаимович.

Значит, дед был Хаим Шевелович. Его в живых уже не было к вашему рождению?

Нет.

И не знаете, чем он занимался?

Нет, не знаю ничего, этим не занималась, я даже не спрашивала, надо было этим вопросом заниматься...

Но когда мы молодые неинтересно, а потом не у кого спросить.

Да. Я вам скажу откровенно, когда отец был в гетто и он был в Дахау в концлагере и он приехал и он жил. Но он жил после войны он умер в 1976 году. Но мы ни разу за это время не говорили о его прошлом, потому что он женился во второй раз. И ни разу не говорили ни о гетто, ни о том, как там было. Как-то было страшно об этом говорить, страшно затрагивать у человека такие чувства чтобы только тихо было, чтобы забыть то, что было, Вот это, по-моему, моя ошибка была...

Ну, с одной стороны да, может, ему как раз хотелось об этом говорить.

У него была сестра, она была Шейна...Шейна...Она была домохозяйка.

Тож же в Каунасе жила?

Да. Она имела двух дочерей, и двух сыновей, и сыновья эти были известные спортсмены. Были в этом...

Маккаби?

Нет, наверное, не в Маккаби, я даже не знаю.

Это до войны было?

До войны. Я даже их не знаю. Одна дочка уехала в Париж, она вышла замуж, я помню, эта свадьба была у нас дома до войны в каком-то году, я была девчонкой маленькой. И она уехала в Париж, и вторая дочка тоже потерялась и ничего мы о ней не знаем.

А сыновья ее тоже погибли?

Да, расстреляли. Они все погибли.

А Шейна?

Нет, она вернулась, она была в гетто. Ее посадили на...чтобы было такое ну море...

Корабль?

Корабль, немцы их вывозили, хотели, чтобы они утонул.

На барже вывозили?

Да. И она осталась жива, и а была у нас, она жила около нас, и умерла.

А детей у нее уже не было?

Нет.

Только одна в Париже?

И тоже ничего не известно, потому что у нее ни адреса ничего не было.

Но она пыталась искать ее после войны?

Может, она и пыталась искать, но так как с заграницей не имели никаких связей и боялись даже, так не искали. И дочка тоже ее не искала. Но сейчас в прошлом году мне сказал работник кладбища, он мне сообщил, это знакомый работник, говорит, я вас не нашел – как не нашел, если я была в городе. Они, говорит, разговаривали на каком-то языке, не на английском, наверное. На французском, что он не понял. Он сказал, что никого нет и я ничего не знаю.

Обидно очень.

Да, очень обидно.

А как же она спаслась, получается, что эту баржу не потопили.

Ее топили, но она спаслась.

Вот это единственная папина сестра Шейна. А сестер бабушек, дедушек, никого не знаете?

Нет, больше никого не знаю.

А как ваши родители, вы не знаете, их не выселяли в Первую Мировую войну из Литвы?

Нет.

То есть, они тоже родились в Каунасе?

Да, они оба родились в Каунасе.

Отец учился где-то, вы не знаете? И мама?

Они имели только среднее образование.

Еврейское?

Еврейское, наверное, потому что язык родной был только идиш. Дома мы говорили только на идиш.

Вы не знаете, когда они поженились, это сватовство было или они как-то повстречались?

Нет, повстречалось, они очень хорошо жили, и очень хорошая семья была.

В каком году они поженились, вы первая дочь?

Наверное, в 1920 году.

Значит, вы появились первой.

Да.

А Пая насколько моложе?

Пая на два года моложе.

Ну вот что вы помните о своем детстве, я сейчас буду задавать наводящие вопросы, чтобы вам легче было. Вот ваш дом, это был собственный дом или вы снимали квартиру?

Нет, мы снимали квартиру у капиталиста у хозяина этого дома. Это был большой дом, большое здание, по-моему, трехэтажное. У него домов было много.

Доходные дома были.

Да, у него фамилия была Кац, тоже была его фамилия Кац старик. Я знаю, что у него была дочка, чем они занимались, даже не знаю. Только я знаю, что она ездила каждый год на лыжах кататься в Швейцарию. Это был шик. Это мы уже знали – на извозчике хозяина дочка приехала домой.

А какая ваша квартира была, сколько комнат?

Квартира была такая небольшая, трехкомнатная такая была, по-моему, и кухня. И потом были ворота такие, такие глухие ворота, ходишь и потом как тамбур.

Ну как подворотня.

Вроде там была еще одна комната, в которой я уже спала.

А на каком этаже вы жили?

На первом.

А мебель какая была, не помните? Деревянные кровати какие-то были?

Деревянные.

Старинная мебель была?

Нет, обыкновенная. Люди были такие, которые жили сегодняшним днем, это мещане были небогатые.

Ну среднего достатка.

Да, среднего достатка, потому что он шил и эти вещи продавал в магазине, детские вещи.

Значит, папа был детский портной.

Детский портной.

А под заказ он тоже шил?

Да, он шил под заказ, и помню, что в магазине продавались его такие плюшевые пальтишки для девочек - розовые, для мальчиков голубые.

Так это в мамином магазине продавалось?

Да, с помпонами такими, и вот это он все время шил. Он после войны когда он приехал, он тоже был конструктор детский вещей, но он вообще шил женскую одежду.

А что в мамином магазине еще продавалось?

Ну это был галантерейный магазинчик такой небольшой, одна комнатка небольшая с выходом с на улицу и дверь в квартиру.

А, так у вас магазинчик был прямо в квартире?

Да, прямо в квартире. Дверь в квартиру.

Одна комната и вход и в комнату и на улицу. И там мама только или вы тоже потом ей помогали?

Я тоже помогала. Надеялись, что я кончу школу, так я буду заведующий магазином, но нас национализировали. Думали, что национализируют, потом их вывезут. Но нет, это был такой маленький галантерейный, как здесь продают и нитки и расчески и мужские рубашки и женские принадлежности, все такие вещи. Все очень интересно, что продавалось, что у меня осталось в памяти, что продавалось тогда – была такая большая книга, что люди знакомые, соседи или уже клиенты брали набор, значит, без денег драли в долг и расписывались в этой книге. А потом по пятницам ни ходили и давали взнос...

Ну как в рассрочку.

И доверяли.

И не обманывали?

Нет.

А вот клиенты были евреи?

И евреи и неевреи. Я знаю, что одна литовка такая фамилия Хинас, это была литовка или полька. Они были постоянные клиенты, они приходили или говорили – дайте мне то и то и то. Или хозяйка просила то и то и то, запишите в книгу, и мама записывала.

А вот эта комната, в которой был магазин, она входила в состав этих трех комнат или кроме них?

Нет, кроме них.

А три комнаты, наверное, была гостиная.

Была такая столовая, потом мастерская, где отец шил, там и родители спали. Там одно время и спала, потом когда подросла, так они взяли для меня отдельную комнатку и так мы вместе спали.

А у мамы были служанки в доме?

Была служанка. Она вела все хозяйство, она готовила и стирала, тогда не было ни машин ничего, все руками стирали. Была литовка...Эта литовка говорила на идиш лучше, чем мы. Она с нами все время говорила на идиш.

Как ее звали, вы не помните?

Марите. Марите Савицкене. Она потом вышла замуж и она все время была у нас...

С мужем?

Нет. Когда она вышла замуж, она потом только приходила. Она имела комнатку такую маленькую, это была проходная такая комната, или ванная комната.

У вас бывали такие комнаты для прислуги. Без окна, наверное.

Да. Это было интересно. Литовка, она ходила потом, когда забрали маму, мама у нее оставила- пишущая машинка у нее была, потом еще там какие-то безделушки, оставила немного. Пишущую машинку украли, конечно, а безделушки, вазочки, она потом отдала мне. И она ходила в гетто, она ходила навещать. Я потом у нее спросила - Марите. Почему ты не могла спасти этих детей- Она говорит- Ее подружка, с которой она жила вместе, тоже очень религиозная, страшно, она была очень большая антисемитка, и она боялась, она не могла это делать. Но она ходила в гетто.

Кошмар. То есть, она им что-то носила?

Помогала. Хорошая очень женщина, я после войны с ней встречалась и она была у меня на даче, она уже умерла.

Откуда она?

Она из Юрбаркаса, видите, были и хорошие литовцы.

Конечно.

Тем временем когда вот интересный случай был такой, который нельзя кому-то рассказывать...Одну комнатку одно время мать сдавала в аренду какому-то иешиву, парню., студенту из иешивы. Такой грязный, это ужас, эти иешивники. Я знаю, что полотенце он как повесит, так по-моему год висело и почернело и воняло, и мы не могли пройти мимо. Так я скажу, некому рассказывать, я только нашему редактору рассказала. Мне Марите сказала, когда началась война, я убежала и сестра убежала. Я работала в ЦК комсомола в секретариате машинисткой была, и нас послали на пять дней, переждем. И сестра отдельно убежала. И когда Марите пришла, и пришел этот белоповязочник, эта сволочь, и сказал - А кто тут коммунисты. Не евреи. А кто тут коммунисты. В первую очередь коммунисты. А иешивник сказал на этих девочек, семи -восьмилетние они были, вот они пионерки, они ходят с красными галстуками, показал на них пальцем. Это мне литовка, Марите, рассказала.

Но он тоже погиб, наверное?

Конечно, погиб.

Сначала коммунисты. Потом евреи, порядок они придерживали. Вы очень хорошо рассказываете, вам есть что рассказать.

Знаете, во все времена...

Может, он сказал в шутку.

Знаете, во все времена человек должен остаться человеком. Ты можешь верить - не верить, но остаться надо человеком, а это был нечеловек. Литовка морально была выше его.

Вот в вашем доме, вас не воспитывали гувернантки?

Нет.

То есть, кроме Мариты никого не было?

Нет.

То есть все равно мама руководила хозяйством, она говорила, что приготовить?

Да, она не была такой хозяйкой, которая стол был накрыт, чтобы сидели за столом и кушали, как бывает в других семьях. Нет, это мещанская среднего достатка больше думала о парнусах...

Молодец, потому что мало женщин работали, раз у нее было дело, это хорошо.

Ну...

Если у вас ничего нет, я буду спрашивать, хорошо? Я так поняла, видно, везде были дедушки и бабушки были религиозны, хотя вы их и не знали. Хая была религиозна. Кстати, Хая где жила, у нее была своя комната?

У нее была комната маленькая, которую сделали из кухни, я там потом жила.

А когда Хая умерла?

Она погибла в гетто

Так вы вместе с ней жили?

Нет, она пошла в другую комнату, где раньше была домработница. Я перешла к ней, это из кухни сделали крошечную комнатку отгородили. Была ведь раньше плита.

А на чем готовили?

Готовили на плите.

Русская печь?

Нет, плита с горелками, только топились она дровами. И эта плита не употребляли, так забили досками, стал столик.

Потом керосинки были?

Нет, керосинок не было.

А что, газ был до войны, на чем готовили?

Не было газа.

Но электричество было?

Было, а газа не было.

Вот в вашем доме соблюдали какие-нибудь традиции основные – кошерность, Шаббат отмечали?

Нет Мои родители были нерелигиозные, но ходили на все праздники- так было принято.- в синагогу.

А на Шаббат они не ходили?

Может, и в Шаббат ходили, я не обращала внимания.

Но мама не зажигала в пятницу свечи?

Нет, я не помню.

А в субботу у нее открыт был магазин?

Нет, в субботу был закрыт магазин, в субботу нельзя было, в субботу в воскресенье был закрыт магазин.

А отец работал дома в субботу?

Нет, отец не работал, но не из-за того, что был шаббат. Он был совсем нерелигиозный, я это помню. Он ходил в синагогу только потому, что мать ходила и все ходили вокруг. Соседи ходили в синагогу молиться. Он, бывало, прибегает из синагоги. Он был такой красивый у меня отец, молодежавый очень. Когда мы, бывало, ходили с ним гулять, так все думали, что это кавалер - Где ты такого кавалера подцепила. Красивый, веселый очень Он говорил, давай выпьем рюмочку, пока никто не видит, пока все молятся Б-гу, давай выпьем рюмочку водки, которая стоит в буфете. Он выпьет и потом опять в синагогу молиться.

Ну у него был талес, тфиллин?

Нет, ничего не был такого.

И Рош-А-Шана, Йом-Кипур не отмечали?

Нет, ничего такого не было. Были все праздники, но как традиция, но не так религиозны.

Но отмечали дома праздники?

Отмечали, и маца была на Пейсах.

Ну расскажите как у вас отмечали Пейсах?

Маца была и отмечали. И Пейсах был единственный праздник, что все готовились, и выносили на улицу, и все постели, и все посуду. Запаковывалась посуда.

И была кошерная посуда?

Была специальная для Пейсаха, специальный сервиз и специальные ложки, вилки очень красивые серебряные, все это было только на Пейсах. Это во время Пейсаха готовили, обязательно, чисто, красиво все это было. А потом опять запаковывались в ящики. Я не помню, чтобы молочное отдельно, я не помню.

А вот курицу носили к резнику?

Нет, я не помню.

Может, они покупали кошерную курицу в ятках?

Может быть, я не помню.

То есть, какие-то основы кошерности соблюдали?

Да.

А вот колбаса у вас была в доме, ветчина?

Нет, этого не было. Но отдали меня в еврейскую гимназию.

Сейчас еще до того. Вот какие вы помните праздники- Пурим, Хануку, какие вы еще помните праздники в вашем доме?

Ну я помню, что на Хануку обязательно зажигали свечи в восьмисвечнике, и обязательно давали хануку-гелт, это да. Но чтобы так молились при этом, этого не было.

Ну то есть, традиции соблюдались. А вот отец проводил седдер во время Пейсаха или просто стол был накрыт.

Просто стол был. Я знаю, что в субботу не готовились. В субботу мы кушали чолнт, потому что была пекарня недалеко и мы носили туда чугун, на нем написано было Шевелович. А в 12 часов приносили и кушали. В субботу не готовилось. И готовился только этот чолнт, это чолнт всегда был в субботу.

А что такое чолнт?

Чолнт - это мясо, картошка и фасоль.

То есть, все-таки какие-то основы традиций соблюдались?

Да а после чолнта в 12 часов приносят и покушают и давай спать. Это тоже еврейская традиция - после обеда поспать.

А вот осенние праздники не помните, не ставили сукку?

Нет, сукку не ставили.

А вот синагога, куда они ходили, далеко она была?

Нет, недалеко.

А в Каунасе много синагог было?

Много.

А эта синагога большая была?

Нет, каждое ремесло имело свою синагогу.

А эта чья была синагога?

Это была наверное, портных.

Понятно. Но вы туда не ходили?

Не ходила, не помню.

А бабушка Хая, кстати, может, она свечи зажигала у себя в комнате?

Я думаю, что нет.

Ну вот мы подошли к тому времени, что вас отдали в школу. А вот какие школы были вообще в Каунасе?

В Каунасе школы были еврейские, были ивритские? Каунас же тогда был столицей Литвы?

Да. Был временно столицей, но правительство находилось в Каунасе, и пели песни, что «пока живем, мы Вильнюс не отдадим».

А в какую школу вас отдали?

Отдали в коммерсгимназию. Она потом называлась гимназия Шолом-Алейхема.

То есть, вы сразу в гимназию пошли, не в начальную школу?

Ну это была гимназия, которая имела при себе начальную школу.

На каком языке было?

На идиш, вот эта самая известная школа, все мы из этой школы, Фира Брамсон и я.

И многие каунасские евреи в ней учились?

Тобиас Яфетас.

Ну вот расскажите об этой школе.

Это была еврейская школа, которая начала работать по-моему, на улице Канту, я теперь не могу сказать, она была коммерсгимназия и потом перешла в другое большое здание, и в последние годы взяла имя Шолом-Алейхема. И в историю она вошла как Каунасская гимназия имени Шолом-Алейхема. Потому что другой такой школы нет. Если взять школы Вильнюса, она тоже Шолом-Алейхема школа, так ничего похожего нет, только одно название. У нас преподавание всех предметов было на идиш. Но кроме идиш мы очень хорошо знали литовский язык, очень хорошо знали немецкий и английский. А в коммерсгимназии еще латынь была.

А кто были ваши учителя, может, вы кого-то вспомните. Расскажите о них.

Могу вам рассказать. Учителя были у нас прекрасные. Это единственная школа, в которой были такие прекрасные учителя. Эта школа была частная, платная. И очень часто было, что отпускали бедных от платы.

То есть, бедных принимали?

Да. И был прекрасный директор этой школы Ливин. Он тоже погиб, он работал в школе. И его жена работала в школе.

Вы не помните, как их звали?

Кажется, не помню. Собираю воспоминания. И эти учителя были такие преданные идишисты и преданные такие учителя настоящие. Настоящий учитель

Преданные своему делу и детям.

Я сказала, что они бы никогда в жизни не пошли бы чтобы бастовать, как сейчас из-за денег. Потому что очень часто им не платили, не было денег, но они были преданными. В школе были разные кружки, драматический, был хор, был оркестр, был, по-моему биологический кружок.

Но эта школа светская была, не было религиозного уклона?

Нет.

Но у вас религию преподавали?

У нас религию не преподавали, у нас только зачитывали религию. Приходил дядька какой-то, писал нам пятерки, а мы шумели, и будьте здоровы. Это была школа левого демократического направления.

А вот какие кружки вас интересовали, где вы занимались?

Я не очень занималась, один раз в драматическом кружке я занималась, языковедением занималась, а так нет. Училась так средне, сказать, что была отличницей - нет, но училась неплохо.

Но вас больше привлекали гуманитарные науки?

Да, мне нравился. Я хорошо знала английский, немецкий язык. И товарищи наши, которые кончили школу и знают, и пишут и переводят, и это все школьные знания. О, эта была школа, где было например, скажем, решили, что должен быть совет учеников. Это был настоящий совет учеников, который занимался всеми вопросами школьной жизни, то есть, имели право решать вопросы наравне с учителями. И вот совет нашего класса решил каждому, который не успевает, прикрепить успевающего, чтобы он с ним делал домашние задания и чтобы он был ответственен за его учебу. Просто вот так - ты будешь отвечать за нее.

Вы за кого-то отвечали?

Я отвечала за такую девушку Минка Финкельштейн, которая была дочка известного еврейского деятеля Эзер Финкельштейн, родители были пожилые, она была единственная дочка. Они были богатые люли. И ей было наплевать на эту учебу. Я ходила к ним домой, и там к нам по лесенке ходили все эти ребята к нам флиртовать и заниматься по пожарной лестнице. И Минка эта курила и кончилось тем, что я научилась курить вместе с ней. Ей вечная память, она уехала в Америку, и она там заболела и умерла. Красивая очень девушка, способная, но вот так.

Учительница пошла на поводу у ученицы.

Да Но должна сказать, что я теперь будет 80 лет нашей школы. И теперь задумали собирать воспоминания учеников о нашей школе. И собрала уже от 15 человек в Вильнюсе и за границей. Они присылали, и я отдала в музей, эта женщина перевела с идиш, они все пишут о школе на идиш. Были прекрасные учителя, во-первых, мой муж был учитель литовского языка, и он был очень хороший учитель

Так вы с ним еще до войны знакомы? Вы вышли замуж до войны?

Нет, после войны.

Он старше вас?

На 10 лет старше.

В общем, в школе был прекрасный дух.

Вот почему мы так знаем хорошо литовский язык. Все, которые окончили нашу школу, пошли работать журналистами литовской газеты только потому, что Зиманас был учитель литовского языка. Но он брал людей любопытных и мальчиков больше всего, на байдарки и каждое лето отправлялись недели на две по Литве. А так как он был по специальности биолог, так каждая травка вырастала у них в целую науку. И вот эти учителя, понимаешь, Эстер Бергер.

А чем она занималась?

Она была учительницей литературы. Так до сих пор помнят, как она выступала. И учительницы географии Ициксор, она плохо видела, у нее были очки очень толстые. Но попробуй ученик на карте за ее спиной показать страну не там, где она находится. Она говорила, не там, и все знали, что ее не обманешь. И вместе с тем очень хорошая.

А вот какую литературу преподавали там?

Нам преподавали еврейскую литературу.

А литовскую?

Литовскую историю преподавали.

А мировую литературу европейскую?

Мировую литературу, по-моему, тоже. Эстер.

И были литературные кружки?

Да. Были.

А какой в школе был дух. Направление. Сионистские организации были в школе?

Нет.

А какие были?

Никаких не было.

А типа скаутской ничего не было? А вообще в Каунасе какие организации были?

Ну были сионистские организации, были Явно-школа.

Какая?

Явна была религиозная школа, были ивритские школы, сионистские школы, и сионистские организации.

Вы не были членом этих организаций?

Нет.

В доме у вас не было никаких политических разговоров, у вас вообще политикой не интересовались?

Нет. Мы только флиртовать и танцевать.

А где вы танцевали?

В кафе «Моника».

Можно было туда ходить девушкам молодым с парнями или самим?

Да.

Это кафе еврейское было?

Да.

В Каунасе много евреев было?

В Каунасе жили почти все евреи.

Ну вот центр Каунаса опишите мне чуть-чуть, где вы гуляли, например.

На Лайсвес-аллее, аллея Свободы, главная улица, на которой росли деревья, она и сейчас так называется. Или на набережной.

Ну вот какие там магазины, кафе с фамилиями владельцев, что вы помните. Ну просто так, чтобы я себе представила.

Ну вот если бы сказали, так я бы знала «Моника».

Это ваше любимое кафе?

Не помню.

А магазины какие были?

Магазины были частные, конечно. Там был очень большой «Батя», очень большой магазин, «Индустрия» магазин, материалов всяких.

И все евреи были?

Все евреи. Ювелирный был большой магазин, все принадлежало только евреям.

А вот уровень жизни в вашей семье позволял родителям или вам всем вместе поехать отдохнуть куда-то летом, вы ездили куда-то?

Мне кажется, что нет.

И дачу не снимали?

У нас была дача, отец ее построил, потому что отец болел астмой.

А где она была?

За Каунасом

Как называется?

Не помню, в 30 километрах, пароход шел.

По какой реке?

По Неману Но мы там долго не жили, потом они продали, не могли содержать.

А большая была дача? Деревянная?

Да. Потому что отец болел астмой, и ему нужно было быть в лесу, в эти годы, я бы сейчас имела наследство.

То есть, если бы это была ваша дача, вы бы доказали собственность и получили.

Да.

Там большой участок был?

Нет.

Просто они кусочек земли купили и на нем строили.

Вы рассказывали о довоенной жизни. То есть, жизнь в семье была довольно благополучной.

Не богатые, но и на еду и на одежду хватало.

А вас не учили чему-то, музыке, например, не нанимали учителей?

Нет, у меня способностей не было.

Но могли. У вас пианино не было дома?

Нет.

А вот языки, вы говорили, что у вас способности были к языкам, вот английским, немецким вы дополнительно не занимались, только тем, что было в гимназии?

К сожалению, и до войны я не занималась, думала, а, успеется.

А Пая тоже училась в этой гимназии?

Да.

Но она на два года моложе, у вас хорошие дружеские были отношения, вы любили ее?

Да.

Вы не отталкивали ее от себя, когда подросли, она не хотела в кафе с вами ходить? В вашу компанию.

Нет, она более компанейская, она более компанейская была.

А дома у вас получали какие-то газеты?

Не помню, еврейские газеты...

Какие?

«Фолксблат», еврейский листок, получали эту газету.

А вот знали уже в середине 1930х годов, Вы же совсем близко были к Германии, знали о нацизме, о фашизме, о том, как Гитлер относится к евреям?

Ну это уже знали, когда началось... Гитлер когда пришел к власти, тогда знали. Потому что тогда закрыли немецкую гимназию. Я знаю, что из немецкой гимназии ушли все евреи, и в нашу школу пришел такой Вассер один, который учился в немецкой школе. И он должен был оттуда уйти. И началось тогда, я помню, что мать была в ужасе, что будет.

Сколько вам лет было тогда?

Я уже не помню, после 1933 года.

А вы успели окончить гимназию?

В 1938 году, наверное. И в этом году он пришел.

Вы окончили гимназию. Кстати, еще один вопрос, еврейские праздники отмечали в гимназии?

Я не помню, я не помню, может быть, и были праздники. Я знаю? Что отмечали праздники, потом ставили в драматическом кружке.

А что ставили?

По Шолом-Алейхему ставили, в основном.

Кстати, вы уже рассказали что ваш муж был учителем. Вы уже тогда были в него влюблены?

Нет.

Он для вас был учитель?

Учитель и боялись его очень.

Вот вы окончили гимназию, у вас был выпускной вечер в 38 году.

У нас, наверное, был, но вот рассказать о нем что-то особенное я сейчас не могу в данный момент.

Я поняла.

Не забывайте, что у меня склероз.

Вот вы окончили гимназию, что было дальше. Я имею в виду с вами, нужно было как-то трудоустроиваться, мама, наверное, хотела, чтобы вы в магазине работали или замуж выходили.

Знаете, уже тогда присоединили Вильнюс к Каунасу и надо было поступить в университет. Университет, говорили, должен переехать в Вильнюс. И мать сказала, ни за какие деньги не отпущу тебя.

То есть, она уже что-то чувствовала плохое, что что-то будет нехорошее.

Это я знаю, была очень большая трагедия как раз это присоединение к Вильнюсу. И вот в 1940 году...

Еще до прихода Советов вы работали где-то или дома помогали?

Нет. Я не работала. Я училась, курсы такие я кончила, машинописи.

На литовском?

На литовском слепым способом. Мне купили машинку пишущую и думали, что это будет хорошо. Но когда пришли товарищи и сказали – Слушай, ты без денег будешь работать? – Я сказала, да.

Какие товарищи?

Я даже не помню, кто-то из моих друзей. Они сказали, ты будешь работать без денег? Ты умеешь печатать, я говорю, да. И вот меня притянули в комитет комсомола.

Это был подпольный комсомол?

Нет, это уже было при Советах в 1940 году.

Ну вот расскажите, как пришли Советы. Как это произошло и что изменилось для вас, кроме того, что вы пришли на работу? Вы говорили, что хотели у вас национализировать, но вас не тронули.

Нет.

А приходили в магазин к маме?

Нет.

То есть, настолько мелкий был бизнес, что никого не интересовало?

Нет.

И мама продолжала работать?

Она работала. Но потом все равно национализировали.

Все-таки национализировали.

И что, она продолжала работать в нем просто как продавец.

Ну это было всего несколько месяцев.

То есть, советская власть так особенно на вас не отразилась?

Нет, радовались.

То есть, вы, ваша семья встретили их с радостью?

Я встречала. Я помню, с учительницей я стояла, с заведующей детского садика, который был при нашей школе.

Был детский садик при школе?

Да.

Как ее фамилия?

Как ее фамилия...

Необязательно.

Смотри, говорит, армия идет, наша родная советская армия красная, неважно, что они оборванные, это наша армия идет. Какая радость, как это будет хорошо, как мы будем жить хорошо. Ну в общем, так мы встретили.

Ну и как было жить с ними, продукты все были в магазинах?

Я скажу, что пока мы не почувствовали это все.

А вот кстати, младшие ваши сестрички не ходили в детский сад этот?

Нет, по-моему, нет.

А мама если работала, с кем они были? Что, Марите с ними была?

Я даже не помню.

Вас сагитировали комсомольцы ваши друзья и вы попали в ЦК комсомола. Вы работали там машинисткой?

Да.

А комсомолкой там вы не стали?

Я была комсомолкой, была заведующей канцелярией, это все пару месяцев.

Но вы в комсомол вступили сами, без идейных соображений, под общую?

Все под общую, потому что это была очень большая радость.

Это общественная жизнь и все это была радость?

Не знаю, как, но что я могу сказать, и люди радовались. Теперь говорят, что только евреи встречали, неправда, не только евреи. Это была радость и подъем большой был. Цветами их встречали. Освободители, говорили, что теперь будет свобода.

А успели выслать кого-то из Каунаса до войны- сионистов или может, просто богатых людей?

Семь тысяч человек выслали.

Евреи тоже?

Нет, только евреи. А там они тысячами. Евреев 7 тысяч человек. Вот застала война, сказали идемте, надо ликвидировать, сжечь все эти документы. И стояли у котла сжигали все документы комсомольские.

Во дворе?

Нет, в котле центрального отопления. В погребе

Чтобы фамилии неизвестны были.

Ну чтобы не остались, сколько могли, сожгли. А потом сказали, что поедem в какое-то местечко или куда-нибудь поедem, в Швенченис, по-моему, поедem на пять дней. Я только зашла домой, что я уезжаю на пять дней. И как стояла в шелковом платье, так и уехала.

А мама не пыталась остановить или как-то сказать, что нужно вместе ехать.

Нет.

Так вы уехали одна?

Да, на пять дней мы уехали.

А Пая? С кем уехала?

Я Пая крутилась в городе, а потом она бежала вместе с другими поездом.

Вы уехали на пять дней, что было дальше?

Это было жутко. Ну что, уехали, ехали, ехали...

Чем вы ехали?

Автобусом. Ехали мы, имея автобус мы ехали...

То есть, вы с мамой и папой не попрощались, мы скоро увидимся.

Все казалось, что будет хорошо, что можно что-то изменить.

Вы ехали автобусом.

Уехали мы, конечно, не пять дней. Поехали мы в Минск. А в Минске нас забрали как шпионов.

А кто вас забрал как шпионов?

НКВДисты.

Просто на улице?

Остановили, забрали, потому что одеты очень хорошо были.

Куда вас забрали?

Забрали нас и целую группу мужчин в какой-то сарай, хотели расстреливать. Но одна женщина, жена первого секретаря. Она пошла говорить с кем-то властью. Мы с ней дружили...

Жена первого секретаря комсомольского.

Жена первого секретаря ЦК партии.. Вышла перед этим из тюрьмы.

Они из местных были?

Они сидели в тюрьме при сметоновской власти и вышли при советах. Их освободили, эту группу. И мы стояли в Минске. Минск уже начали бомбить и сказали – бежать. Эта группа литовская, которая работала в ЦК комсомола., мы все держались вместе. И поехали в Пензу.

Поездом?

Нет. И поездом и машиной.

А машину не взяли?

Машину они взяли, машина Цековская была, автобус.

Опять тот же автобус?

И приехали мы поездом в Пензу, через Белорусию, в Белоруссии мы остановились, видно, кто-то командовал этими беженцами.

Но вы видели, уже отступали войска?

Видели, что отступали, видели, как бомбили Минск, видели, как мы стояли на улице, как падают люди прямо со своими чемоданами. Группа молодежи была. И поехали мы в Пензу. И в Пензе нас направили в такое местечко Николопестровка.

Это колхоз?

Нет, это местечко. Это под Пензой, там был завод стеклозавод, его сразу переделали на военные нужды эти стекла, и там нас поставили работать у станка. И там мы работали и жили у хозяев.

Вы всю войну там были, всю эвакуацию?

Потом из Пензы поехала в Москву.

Вот вы в Николопестровке сколько времени провели?

Год, наверное?

А где вы жили?

У хозяев.

А работали посменно?

Да, дали нам фуфайки, дали стеганые штаны. Надо было идти, спускаться с горы, мы сели на фуфайку, ехали с этой горы. Не имели что кушать. Были у хозяйки, она была очень скупая, готовила мало, вот сына заберут в армию, мужа заберут в армию, и на сухари сушила на чердаке у нее стояли, один или два мешка у нее было сухарей. И мы делали дырку в окне и мы воровали эти сухари.

Получали пайки какие-то?

Нет.

Кормили на работе?

Хлеб дали кусок, пока приходишь домой, так съедали.

Голодные были?

Голодные.

И одеты не было?

Не было. Одежду, так знаете, наш секретарь Беляускас был такой, Дмитрий, секретарь ЦК комсомола. Он радовался, что взял деньги из кассы с

собой. Остальные он закрыл в сейфе, говорил, что приедем и заберем из сейфа. Так он раздал нам деньги по несколько рублей и сейчас, так что мы будем делать. Во-первых, надо иметь ночную рубашку, мы не привыкли спать в одежде, как в России. Так мы купили себе материал, и сшили себе ночные рубашки девчонки сами. А потом решили идти на танцы...

Все таки надо было идти на танцы?

Ну да, это в деревню в клуб мы шли, работали и на танцы. Так мы пошли в ночных рубашках, потому что они были новые красивые большие длинные. Подвязывали так и жили.

А как к вам, евреям, относились местные?

Отнеслись очень хорошо. Я вам скажу, люди относились очень хорошо. Белорусы сразу ставили на стол все, что имели. Но он и очень мало что имели – молоко и зеленый лук, они сами не имел. А вот эти что побогаче, сухари, уже в Пензе. А в Пензе это была область, куда в советское время высылали, было место ссылки. Там были бывшие богачи. Они жили лучше. Мы спали на печке.

И вы там год провели?

Да.

Вы догадывались уже, что с вашими родными?

Нет, ничего не знали.

То есть, вы надеялись...

Ничего, абсолютно ничего.

Не пытались их искать через Бугуруслан.

Ничего не пытались, потому что думали, приедем и будем искать. Но ничего не было, была регистрация, был архив...

Вот вы в Москву поехали, почему именно вы поехали в Москву и куда?

Ну там, меня отозвали, я де работала в ЦК комсомола и там была моя фамилия...

То есть, вас туда кто-то вызвал?

Ну да.

А где вы работали?

Улица Воровского, там постпредство было.

Там где работала Мария Яцовская?

Я не знаю, там она работала?

А в каком году вы туда попали?

В 1943 году.

То есть, почти полтора года вы были у станка, тяжело было?

Ну не очень тяжело, слушайте, молодость...

Можно поработать и пойти танцевать в ночной рубашке...И вы приехали в Москву...И где вы там жили?

Жили в общежитии.

Общежитие литовского постпредства?

Там же было общежитие, было литовское полпредство. Лея там рядом жила.

Лея там работала тоже в бухгалтерии.

А я работала машинисткой, писатели к нам ходили. Все там жили. Ходили туда обратно, там вся жизнь была.

Ну все старались быть ближе к своей родине. И вы там находились до какого времени?

Там до 1944 года. Как освободили Вильнюс, так сразу же мы поехали в Вильнюс. В теплушках, я ехала в Вильнюс недели две.

То есть, летом 1944 вы приехали.

Вильнюс освободили 13 июля.

Вы уже замужем не были?

Мы сразу после приезда были..Правда, мы уже были... Он из Москвы уехал в 1942 году организовать партизанское движение в Литве.

Вы с ним в Пензе или Москве познакомились?

В Москве.

И он когда вернулся, вы стали с ним встречаться?

Да, в Москве.

Как его имя?

Генрих Ошерович.

Он старше вас, он 1914 года. Он был членом Коммунистической партии?

Да, он был подпольно.

Еще в Литве. И он организовывал партизанские отряды, какие именно отряды?

Он организовывал, Литва была поделена на южную и северную Литву. Он был комиссаром партизанского движения Южной Литве.

Так он находился здесь или в Москве?

Он находился здесь.

Вы же говорите, что вы в 1943-44 вы там встречались.

Ну с этого года его перебросили сюда.

То есть, его перебросили сюда или в Москву.

Его перебросили сюда с Москвы на планерах. Тогда перебрасывали на планерах - самолет, к самолету присоединялся планер, их перебрасывали на планерах. И планер их упал, разбился и очень много людей погибло. Он был очень страшно ранен. Но он же был коммунист, и он не поехал в Москву. Он лежал разбитый в землянке и его лечили без врача.

Вы этого ничего не знали.

Нет, никто ничего не знал. Может быть, первый секретарь знал тогда. Потому что одну женщину вывезли, ее по кусочкам собирали.

И когда вы приехали в Литву, он уже был здесь с армией?

Он здесь был, и когда я приехала. Он уже был в ЦК партии.

Кем он там работал?

Он работал в отделе пропаганды.

Ну и что было, Вы сразу поженились?

Да. Мы поженились, у меня уже сын ходил пешком.

Так вы в Москве уже поженились?

Так жили, а потом оформили брак.

Сын в каком году родился?

Сын родился в 1945 году.

Как его зовут?

Александр, а в 1948 дочка родилась.

А как дочку зовут?

Ольга.

Вот вы приехали в Вильнюс, какое было впечатление от города. Или вы вообще Вильнюс не знали?

Я Вильнюс не знала, нет, я была каунасчанка. Нам дали сразу квартиру.

Хорошую квартиру?

Неплохую, хорошую квартиру. Было много свободных квартир с мебелью, со всем. На улице Палангус. А потом уже очень он дружил с Первым секретарем Снежкусом, Снежкус его очень ценил и любил. Ну а потом он стал главным редактором газеты «Правда»...

То есть, это литовская газета была, в каком году он стал?

Сразу в 1945-46 году. А потом он стал, он там работал, по-моему, 70 лет, а потом его сделали редактором журнала «Коммунист».

Когда?

Я не помню, в каком году. Он работал редактором «Правды», а потом его сделали редактором журнала «Коммунист».

Я хочу такой вопрос задать - еврей. Редактор такого журнала и газеты.. Его и Вас не коснулись репрессии, антисемитские кампании конца 1940-начала 1950х годов, когда «дело врачей» было и так далее.

Нет, не коснулось.

То есть, здесь в Литве это не так было меньше, чем в Союзе.

Конечно, тут это было меньше. Дело в том, что он конечно знал больше, потому что все это было шито-крыто, все секретно, это никто не должен был знать. А тут увольняли врачей, увольняли людей. Но его не коснулось.

Но вы это дома обсуждали с ним?

Нет. Шито-крыто.

А вы не стали членом партии к тому времени?

Я была членом партии.

Когда вы поступили?

Я поступила еще во время войны в 1942 году.

Еще в пензенской области комсомольский призыв был.

Да.

Ну вот кем вы работали, про мужа вы уже немного рассказали. Чем вы занимались?

Я занималась, я кончила педагогический институт.

Вы поступили в пединститут, имея двоих детей, тяжело было?

Но так надо было.

Помочь же некому было?

Нет, почему. Была же домработница. Исторический факультет. Я работала в советской партийной школе преподавателем.

Это ВППШ?

Нет, это была советская партийная школа для среднего звена советских руководителей. Около 20 лет. Потом я оттуда ушла., работала в Музее революции, тоже 20 лет.

Кем, научным сотрудником?

Я была заместителем директора музея. А потом я еще немного работала в Фонде культуры, это уже после смерти Зимана...

Когда он умер?

В 1985 году.

Вы еще при советской власти работали?

Нет, уже кончалось, с 1987 года. Меня взял литовец такой приятный порядочный, он меня очень ценил, работник я очень хороший, он меня взял в Фонд культуры. Там я уже столкнулась с еврейским вопросом.

То есть, до этого вы не сталкивались с антисемитизмом?

Нет. Всегда работала в литовских организациях, никогда не сталкивалась.

А там что произошло в Фонде культуры?

А там произошло то, что Фонд культуры уже в 1987 году уже началось развиваться движение за независимость, Фонда культуры выпустил свой проект работы - развитие программы культуры всех национальных меньшинств Литвы, и еврейской. Еврейская – берись, я была единственная еврейка в этой организации. И сразу мы организовали такую инициативную группу, человек 10, которые начали действовать и работать на развитие еврейской культуры.

Значит, вы с тех пор этим занимаетесь?

Да.

Потом получилось, когда вы вообще ушли на пенсию?

Да.

И с тех пор вы волонтер и сотрудник общины?

Я официально работаю в редакции общины на полставки, лишь бы сидеть там, чтобы не быть дома. Я администратор этой редакции.

У меня еще есть несколько вопросов о послевоенной жизни, мы в принципе уже заканчиваем, и есть несколько вопросов, которые я бы хотела выяснить. Я поняла, что муж был руководителем высокого звена. И у вас дома не было принято обсуждать то, что происходит. Но вот смерть Сталина как он и Вы восприняли? Как вы к этому отнеслись?

Плакали, я плакала. У нас на работе плакали. Нам велели прийти на дежурство, и мы дежурили, плакали- что сейчас будет?

А как вы отнеслись к его развенчанию, в 1956 году, когда 20 съезд осудил культ личности Сталина?

А...Тогда радовались очень. Мне кажется, что муж знал больше, чем я думала. Но это не обсуждалось у нас никогда. Но такие отголоски были, что к нам приходил и редактор американской газеты еврейской Новак, и он сидел тут у нас...

А какие годы это было?

Это было уже в 70е...годы. Муж был 2 раза в Америке в советские годы в командировке, в делегацию его включали. Муж был депутатом Верховного Совета и он был в Америке в командировке, выступления евреев были в Америке? В Америке тогда помню, как приехал. Я поехала его встречать в Москву. И он сказал, наверное, у меня инфаркт, он себя очень плохо чувствовал, потому что была страшно тяжелая поездка. В чем дело? Евреи в Америке организовали демонстрацию против политики антисемитизма в Советском Союзе. Так вся эта группа- кого послать поговорить с ними? И его послали с ними говорить.

Это, наверное, в те годы было 1970е, когда в Израиле была война судного дня, тогда везде демонстрации были?

Да.

А вот как вы отнеслись, вы, ваш муж, к Израилю?

Он был в Израиле тоже, он был на съезде Коммунистической партии Израиля, но их там так охраняли, что никто не мог к ним пройти в гостиницу и он не мог ничего увидеть. Он мало что видел. Но некоторые его друзья прошли через всю эту охрану, чтобы его увидеть.

Как он относился, когда была война в Израиле?

Он относился ...Он хорошо знал иврит, он получал газеты на иврите. Я думаю, что он относился хорошо. Но он был коммунистом, он был против сионизма.

Но никогда не было? Я понимаю, что не было даже темы об эмиграции вашей семьи в Израиль?

Не было. Потому что он был активный член антисиионистского комитета.

Антисиионистский комитет был?

В Москве был.

В начале 1950х годов.

Да. И он был членом этого комитета. Я знаю, что с некоторыми до сих пор поддерживаю связь. Это очень сложный вопрос.

А ему приходилось подписывать эти документы антисиионистского комитета, там были видные евреи, когда они выступали против войн в Израиле. То есть, он наверное, шел на сделку с совестью.

Понимаете, он был потив сионизма. Но он был за евреев. Знаете, в 1983 году он мне привез из Америки, он мне привез еврейскую пишущую машинку в чемодане. Так как он был депутат Верховного Совета, так его не досматривали. Мы подняли чемодан, он тяжелый, там всего полно. А мы открыли- а там одна лишь машинка, я говорю, с ума сошел. Он говорит, неважно, посмотришь, какую работу мы развернем.

И он не успел, то есть, он хотел быть причастным к возрождению еврейства?

Я знаю, что он писал в правительство советское совершенно секретно письмо ...

О положении евреев?

Не знаю о чем, я не могу найти, потому что когда он писал письмо, женщина печатала и эта копия даже уничтожалась.

На какой он должности тогда был?

Он был редактором «Коммуниста».

Ну это, возможно, тогда было когда гонения были в Москве на редактора Коммуниста...

Он писал насчет евреев в Биробиджане. Потому что он был два раза в Биробиджане, один раз он был там просто так, второй раз его послали, чтобы он сказал, что нужно делать, чтобы Биробиджан стал еврейской областью....

Чтобы мы все тужа ехали. А отчего он умер?

Он умер оттого, что его сняли с работы и здесь наши местные товарищи. Он раскритиковал секретаря ЦК, он с ним плохо жил. И секретарь ЦК сказал- Ну уже 75 лет, уже пора на пенсию. Его первого сняли, никого еще не снимали. У него была светлая голова. Все говорили, что это была ходячая энциклопедия. Они сказали, что Москва велела.

Это было не после этого письма, что он написал?

Нет, письмо это было насчет Биробиджана, это был проект и что надо делать. Потому что промышленности не было, об институте чтобы организовать, чтобы вложить больше денег чтобы развивать. Это было насчет еврейского вопроса. И когда мы поехали в Москву, ему там сказали - Ничего подобного, мы вас не снимали, мы вас и снимать не будем. Для него был такой удар, что в поезде у него был инсульт. Мы приехали, и скорая помощь нас ждала.

Ну а теперь немного о том, когда и как вы узнали, что произошло с вашими близкими и как судьба вашего отца сложилась, как вы узнали, что он в Германии?

Отец вернулся.

А как получилось, что его из гетто забрали в Дахау.

Не знаю. Перед концом немцы рассылали. Так его послали, он работал там в Каунасе в слободке. Это в гетто в каунасском. А потом немцы уже его выслали.

И как получилось, что он выжил в Дахау.

Ну вот некоторые выжили и он тоже.

И приехали сюда?

Да.

Когда?

Наверное. В 1946 году.

Он не проходил советские лагеря после Дахау, его не отправили?

Нет, он приехал в 1946 или в начале 1947 года.

И он женился вторично?

Да.

Кто его жена была?

Он жил у меня долгое время. А потом он работал в Доме моделей и он женился вторично. Вторая жена была какая-то женщина из России.

Еврейка?

Он не сказала, что она еврейка, но я думаю, что еврейка.

В каком году отец умер?

Он умер в 1976 году.

Ну вы уже говорили, что он о гетто говорить не хотел и все что вы узнали, это от кого-то.

Нет, ничего не говорил. Он только иногда говорил, что, знаешь, немцы обращались с нами лучше чем литовцы. С немцами еще можно было договориться. Но вообще не принято было, я вас скажу так, шурин мой, это муж моей сестры, он был вывезен. Отца вывезли в 1940 году. Они были в России. И он женился на моей сестре и мы ни разу с ним не говорили том. то было и как и почему это было. Никак не затрагивали эти вопросы.

А у вашего мужа не было неприятностей в советское время, что ваш отец был на оккупированной территории и сестра вышла замуж за сына высланного... Или он ничего вам не говорил?

У него были другие неприятности. Как еврей, он очень пострадал...

Когда?

Потому что его хотели сделать секретарем ЦК по пропаганде, из-за того что он еврей, это не прошло. Он мог быть депутатом Верховного Совета во второй раз. Так что я с Мариком я ни разу сколько они были женаты. Когда я поехала к ним. Мы шли с ним гулять, я говорю, Марик, расскажи мне про жизнь, как это было, напиши мне. И он писал мне два-три письма историю, как это было...

Ну а материально вы жили неплохо?

Материально мы жили очень хорошо.

У вас квартира была большая?

Большая.

Сколько комнат?

Пять.

Были домработницы, наверное?

Одна.

А вы не готовили ничего, не убিরали?

Нет, я же работала.

А дети где занимались, где росли, детский сад или были няни?

Были в детском саду.

Где они учились?

Они учились в обыкновенной литовской школе имени Саломеи Нерис, это известная литовская поэтесса.

Какое они получили образование?

Которая была на английской основе.

Английская школа с усиленным изучением английского языка. Что они окончили, кем они стали?

Александр стал инженером.

Что он окончил?

Он кончил ВИСИ- инженерно-строительный вильнюсский институт.

Чем он сейчас занимается?

Он был преподавателем. Защитил диссертацию, ему предложили защитить докторскую, но он не захотел из-за денег - для денег диссертацию не надо. Ну в общем, он женился...

Кто его жена. Еврейка или литовка?

Русская.

Как ее имя?

Людмила. Люся Она сибирячка, с Красноярска. Представляете, он в Вильнюсе не нашел себе жену. Он нашел с Красноярска на курорте Паланга. Там они познакомились, она врач, и они сейчас живут в той квартире, где я жила. А это ихняя квартира была. У них двое детей.

Это ваши внуки, как их зовут?

Владимир старший.

Какого года Владимир?

Владимир, ему теперь 29 лет.

Чем он занимается?

Он кончил в Лондоне институт финансов, и он работает в Вене.

Он женат?

Нет, он не думает жениться, он слишком хорошо живет.

А младший?

А младший дочка Ольга...

А у вас дочку как зовут?

Тоже Ольга.

А в чью честь их так называли?

Я назвала ее в честь матери мужа, знаете, это была прекрасная женщина. У нее было пятеро детей, у нее муж умер внезапно от сердца, они были в районе, арендаторы, дворец Зиманис, они были арендаторы. И она переехала в Каунас и была домохозяйка. И этот Генрих в 1940 году уже был начальником, он имел свою собственную, не собственную а государственную машину. Он посадил мать в машину и еще кого-то и велел ехать, а сам пошел пешком. Так белоповязочники, фашисты местные, остановили машину возле Укмерге, велели всем выйти, и эту старую женщину расстреляли на месте. Вот в честь ее Ольги.

А Александр в чью честь?

Я не знаю - Алик. Это просто так.

Ольга, ваша внучка, чем она занимается?

Она кончила в Бельгии, их дети кончили за границей, она кончила международное право. Она не хотел работать в этой отрасли, она в Лондоне задумала, она с характером девица, она моложе его на шесть лет. Она сама

переехала в Лондон на курсы адвокатуры, кончила эти курсы, нашла себе парня, вышла замуж и теперь она приехала с ним на его родину в Канаду.

Он еврей, этот парень?

Нет. Евреев у нас нет.

Это дети сына, а судьба Ольги, вашей дочери, как сложилась?

Ольга тоже кончила эту школу. Очень хотела идти на английский язык, она очень хорошо знала его в школе. И я уже собралась идти на английский язык, а отец сказал- Нет, переводчицей не будешь. Переводчица у нас не считалась за человека, в старое время, надо сопровождать начальника и т.д. Пойдешь на медицинский. Плакала, но сдала экзамен на медицинский, кончила медицинский факультет. Стала педиатром, и уже по-моему, 26 лет как она заместитель главного врача детской республиканской больницы. Это большущая больница.

Кто ее муж?

Муж у нее был, умер.

Еврей, литовец?

Литовец.

Как его фамилия?

Она осталась Зиманайте.

А ее дети?

Ее дети Рута старшая, она кончила как это по-русски, ведение хозяйства. Экономический факультет, кончила училище. И этот институт. Послала я ее всеми правдами-неправдами в Израиль, 8 месяцев она там побывала, влюбилась в одного парня, литовца конечно, и приехал он. Все мои планы рухнули, после 8 месяцев она приехала из Израиля, вышла замуж за этого парня. Очень способный парень, работал в Министерстве иностранных дел и его послали теперь послом НАТО в Австрию.

Ого!

Она теперь послыха.

Как ее фамилия?

Паулаускене. Имеет мальчика, мой правнук, прекрасный мальчик, ему сейчас 12 лет, очень способный, развитый, очень хороший. Она его заставила учиться во французской школе, когда никто в семье не знает французского языка. Теперь он в 12 лет знает 5 языков.

Но еврейского не знает?

Нет.

Он не считают себя евреями?

Нет, они литовцы. А муж моей дочки Витас, он тоже был врач, был директором санэпидстанции 30 лет. Прекрасный человек, исключительный. И как одна сказала, что самый лучший еврей в Вильнюс, так это Витас. Она пришла с работы и нашла его мертвым.

У нее две дочери - Рута и?

Эмма, она кончил университет тоже медицинский, из-за этого не вышла замуж, имела парня, но они разошлись. И теперь она не пошла работать как врач, потому что за 600 лит что у нас платят новому врачу, она выбрала себе специальность для новорожденных детей, это надо еще 4 года учиться в университете и она в будущем году кончает, получится прекрасный врач.

В общем, у детей все очень хорошо сложилось мы не говорили о сестре Пае, как она попала в эвакуацию?

Она попала в эвакуацию и я с ней случайно встретила в Пензе во так случайно- один поезд уехал, второй приехал, и все. Пайка, господи, откуда ты бежала. Она работала там в колхозе, я на заводе, она в колхозе, думали, что там будет лучше, а потом она просила, пришли мне два-три рубля. Она была в армии в литовской дивизии.

Сама добровольно пошла?

Да, добровольно.

Она уже была тогда замужем?

Нет. Она вышла замуж после войны с этим с Мариком.

Как его фамилия?

Марик... Сейчас скажу. Она дочку родила, дочка училась в университете, Белла в честь мамы. И вышла замуж, и они поехали в Израиль, и потом Пая туда уехала. Марик был артистом, он там кончил училище будучи ссылке и работал в русском театре.

А Пая?

Она кончила юридический и работала здесь, в Израиле не работала.

Ну вы, конечно, в те годы не соблюдали еврейский обычай?

Нет.

А вот, как вам кажется, ваш муж, как отнесся бы сейчас к независимой Литве, к еврейской общине, он бы порадовался или это был против его идеологии?

Тяжелый вопрос вы мне задали. Я часто думаю об этом. Может быть, и вовремя умер. Иначе бы его посадили и объявили врагом народа, только к евреям, больше никто. Он был главный идеолог.- как бы он относился. Мне трудно сказать. Что был евреем в душе, это ясно. Он бы радовался, что будет община. Говорили мы с ним. Мы с ним спорили - из Литвы было легче уехать в Израиль, и многие русские приехали сюда. Работали инженеры с высшим образованием, врачи, черт знает на какой работе. Чтобы только тут обосноваться. Потому что отсюда было легко уехать. Здесь выпускали. И мы с ним говорили – это потому что, хотят они выпускать, чтобы было меньше евреев в Литве, это не те евреи, которые говорили, что хороший литовец, друг евреев, это не от любви к евреям. А для того, чтобы больше все, чтобы все они уехали, и будет свободнее в Литве от евреев. Такое было. А теперь я не знаю, как бы было. Я вам скажу, наш дом был интернациональным, мы никогда не думали о национальности. И потому что с детьми так сложилось, и хотя он очень любил. Был у нас друг председатель колхоза, еврей, и он пришел радовался и он говорил- нашел еврея -председатель колхоза, он радовался. Я видела его книгу. Когда в книге Верховного Совета было подчеркнуто, сколько евреев там есть, его вопрос интересовал. Но по сути он был интернационалист полностью. И мои дети всегда спрашивали - мама, какой национальности Костас, имя литовское.

А кто это?

Председатель колхоза, имя литовское, потому что его эти литовцы спасли - Костас, какой национальности. Он еврей?- И никогда не было у нас вопроса- его работа была интернационализм.

Ему бы сейчас было очень трудно.

И боролся за то, чтобы евреям было хорошо здесь и чтобы был интернационализм против национализма и антисемитизма. Он был за то, что бы были все вместе. Я думаю, что...Он приехал из Израиля, он очень радовался. Рассказывал, полный ящик фотографий. Он очень радовался, что один араб был

членом ЦК компартии Израиля, как это хорошо звучит. Он был за интернационализм, ему сейчас был бы тяжело. И нам тоже тяжело сейчас. Иногда я делаю неправильно. Я говорю- Хороший человек- Он еврей?- А если он нееврей.

Спасибо большое.

Описание фотографий.

1. Это мой отец, он умер в 1967, фото сделано в Каунасе, начало 1930х годов.
2. Фото сделано в Каунасе тогда же, моя мать.
3. Фото в Каунасе нашей семьи – слева направо- отец. Мама, бабушка Хая, сестра Роза - чья это сестра?- Та сестра, Роза Кацене, вот ее муж. Их никого нет в живых, все они погибли в гетто.
4. Мой муж после войны, на какой-то стройке, какой-то репортаж или с проверкой он с фотоаппаратом, муж слева.
5. 1953 год, я слева в халатике с белом каймой, в Сочи в санатории. Вы в санатории Беларусь» отдыхали. В основном. Мы ездили по путевкам, обслуживалась 4 управлениями, Юдин раз была. Он тоже мал ездил, аботал как сумасшедший.
6. Я с дочкой Олей. Начало 1950х годов.
7. Я выступаю в музее, когда работала- никого не помню.
8. Мой муж при открытии доски мемориальной Кубартасу, 1970е годы.
9. Я с внуком Володей, сын Александра.
10. В школе первое празднование Пейсаха первый Пейсах, 1991 год, я стою слева с бокалом в светлом платье белым воротничком. Я примкнула занимаюсь в фонде культуры. В киине мужчина – не помню. В цвртном платье Мери, она умерла. Рядом Валя. Раввин Глинский, сами организовали Пейсах
11. Слева семья моей дочери= Дочка в черной блузке, рядом ее муж, справа Рута, меньшая внучка, и дочь Александра Оля и Олин сын. Витас умер два года тому назад.
12. Мой сын Александр, 1992 год, Вильнюс.
13. Я с внуками- слева Владимир, в невестка, Людмила, жена моего сына.

